

"Труд" 1948, 7 сентября

К 150-летию со дня рождения Л. Н. ТОЛСТОГО

В ЭТИ ТРУДНЫЕ ГОДЫ

Переписка родных и близких Л. Н. Толстого, относящаяся к 1891—1892 годам, когда 63-летний писатель стоял в центре общественного движения по оказанию помощи голодающим крестьянам России, открывает новые грани этого удивительного человека и гражданина. Вместе с дочерьми Толстой едет в уезды Рязанской и Тульской губерний, чтобы лично познакомиться с положением пострадавших. Здесь на протяжении почти двух лет на свои средства и пожертвования он устраивает столовые, в которых кормились тысячи голодающих. Поездки по деревням с целью наблюдения за работой столовых, перепись нуждающихся крестьян, руководство работой сотрудников, закупка продовольствия, закупка и распределение одежды, дров, корма для лошадей — вот та конкретная работа, которая сосредоточилась в руках Толстого, его семьи и друзей. А кроме того — выступление писателя в печати со статьями о голоде, носившими обличительный, острополитический характер.

Публикуемые сегодня письма (публикацию подготовила И. Покровская) как бы дополняют наши сведения об этом периоде жизни Толстого. Письма даются в сокращении, полностью переписка будет напечатана в девятом номере журнала «Октябрь».

1891 год

Т. А. КУЗМИНСКАЯ —
А. М. КУЗМИНСКОМУ
19 сентября. Ясная Поляна.

Левочка и Таня уехали в Пирогово с целью хлопотать устроить столовые для голодающих. У них об этом такого рода представление: в верстах пяти от деревень устроить столовую на складчину. Стол самый простой: хлеб, картофель. Вчера Маша была с этой целью у Зиновьева, который говорил, что он ночи не спит от этих голодных уездов, что это что-то ужасающее; правительство дало пятьсот тысяч рублей, а нужно больше миллиона...

М. Л. ТОЛСТАЯ —
Л. Ф. АННЕНКОВОЙ
8 октября. Ясная Поляна.

Мы ездили с папá в голодные уезды нашей губернии и части Рязанской. Папá захотел поближе увидеть голод и деятельность земства по отношению к нему; во-первых, для того, чтобы писать об этом статью, которую он уже начал, и для того, чтобы видеть, в какой форме можно прямо помочь им. Ему представилась единственно возможной форма столовых. Чтобы в каждой деревне или хоть в каждом помещицком центре была столовая, где кто на сколько человек может. Папá думает, что это самое действительное средство, чтобы не умира-

ли с голоду, потому что кто голоден, придет поесть, снесет детям или старухе, старику, которые не могут придти, и что в этом способе нет возможности злоупотреблений. Если давать в руки мукой, хлебом, сыром, а не в рот прямо, всегда есть шанс и возможность и того, что мужик снесет в кабаки, — и того, что богатый скроет свое богатство и будет продавать. Но для того, чтобы удались эти столовые, надо людям там жить, чтобы узнать народ, их недостатки, их семьи и т. п., что узнается всегда очень легко и скоро при жизни там и при общении с ними.

И вот с этой целью мы хотели на зиму переехать с папá и с Таней в одно из самых голодных мест и устроить столовые. Мы уже решили, где поселиться, а именно, в доме Раевских... на границе Тульской и Рязанской губерний, это очень плохое, бедное место, где уже теперь нечего есть, кроме лебеды, от которой болеют, и которая на вкус отвратительна, и которой уже у большей части совсем нет, а у кого есть, на очень малое еще время. Мы с папá видели этих голодных людей, их страшную бедность, хлеб, который они едят, и на меня это произвело очень сильное впечатление. Это то же самое, что всегда, но в острой форме, и все говорят, собирают пожертвования, жертвуют, устраивают комитеты и т. п. и ничего это не может помочь. А главное, что люди думают, что надо как-то, чем-то прокормить этих людей, но сами не лишают себя ничем для них, продолжают жить все той же своей жизнью, так же эксплуатируют мужиков, даже пользуясь голодом, и говорят о помощи голодным. Мне как-то странно всегда слышать эти разговоры, я не могу понять их смысла, их цели. Помогать, так помогать так, чтобы себя им отдать, всего себя, свой труд, свое время, свою жизнь, и тогда только помощь будет...

Так вот мы хотели так жить. Уже приготовили часть провизии, топлива и т. п. Мама обещала дать нам две тысячи на это, мы так радовались возможности хоть чуть-чуть быть полезными этим людям, как вдруг мама (как это часто с ней бывает) совершенно повернула оглобли. Она стала говорить, что она не отпустит папá, что он обещал жить в Москве, что там он заболел, что она не даст денег и т. д. и пошло. Ужасно было тяжелое время. Она мучила себя, и папá, и нас так, что сама бедная стала худая и больная. Мы все время говорили ей, что сделаем так, как она хочет, доказывали нелогичность и переменчивость ее взглядов. Много было тяжелых споров, и теперь мы не знаем, что будет. Мы предоставили ей решать нашу участь. Папá делал все уступки, какие он только мог,

и обещал в Москве прожить часть зимы, и теперь уже все предоставил ей решить. Нам всем было искренне жалко ее. Она так страшно себя мучила. И знает, как у нее часто бывает, она хочет сказать и думает о том, что она боится, что папá заболел, а она говорит о том, что он написал заявление о позволении печатать его сочинения...

Т. Л. ТОЛСТАЯ —
А. Н. ДУНАЕВУ
29 октября. Бегичевка.

Всегда мои письма к вам заключают в себе просьбу, так оно и в этот раз. Дело вот в чем. Папá дал мне мысль затеять тут заработок для баб, а так как их обычная работа — это прядево и тканье, то мы и думаем покупать им лен и продавать потом холсты, с тем, чтобы им отдавать то, что останется им за работу. Просьба моя к вам заключается в том, чтобы просить вас найти нам сбыт холста. Может быть, в какие-нибудь больницы, заведения, да даже и в лавки. Посылаю вам образчики холста; конечно, он не может быть весь совершенно одинаков, но это приблизительно. Если вам удастся найти где-нибудь сбыт, то напишите мне цену и количество требуемых аршин...

С. А. ТОЛСТАЯ —
А. А. ТОЛСТОЙ
23 декабря. Москва.

...Левочка работает ужасно: весь день по делу столовых, а ночь пишет.

1892 год
С. А. ТОЛСТАЯ —
Т. А. КУЗМИНСКОЙ
1 февраля. Бегичевка.

Пишу тебе из этой противной Бегичевки, милая Таня. У меня тут сделалась невралгия в виске, и все мне мрачно и невесело. Дом тут низкий, темный, грязный; обои темные, воздух душный, природа безотрадная, народ бедный, грязный, очень добродушный и жалкий.

Дело наше 80-ти столовых налажено и идет хорошо. Вчера приезжали забирать провизию на те 32 столовые, которые под нашим ведением, остальные забираются в других центрах. Маша записывала в 32 книжечки все, что выдавали. Точно на базар народ приехал. Потом с Левочкой поехали в санках вдвоем по разным делам: учитывали на мельнице прием ржи, пшеницы, сколько чего намолотили и выдали, все записали. Заехали в другой центр выдачи к писаревскому управлению, велели давать пшено; потом узнавали, кому выдать дрова; заехали в одну столовую, где ужинали; потом еще ездили в дальнюю деревню, где погорели, и для погорелых открыли столовую с их

хлебом, только наша каша, горох, щи и свекольник. Выдача казенная стала в некоторых местах очень большая, и вот мы и откроем столовые без нашего хлеба; таких можно открыть еще несколько. Конечно, жить тут много значит.

Ходила я с барышней (у нас тут две очень хорошие, полезные и милые) по одной деревне, узнавать, кто более всех нуждается в топливе. Набрили на две избы, раскрытые; один потолок, холод и везде течет. В одной избе шесть человек прекрасных детей, в другой двое, третий при Тане еще умер от угара. Вот сейчас мы их и записали; а потом купили им соломы, крыши покроем. Восторг большой был, а мужики — домохозяева и очень хорошие, поддержать надо. А то прислал мне Морозов купец полушубки на мальчиков, а Попов сукна, из которого портные сшили тут 23 поддевки. Все эти дни я занималась выдачей этого платья, валенок и другого. Надо видеть восторг некоторых сирот, которые всю жизнь ходили в лохмотьях и вдруг получили нечто новое и теплое. Столовые, кроме питания, есть еще в некотором роде развлечение. Ребята собираются, болтают, смеются. Побирušки, нищие заходят погреться; их покормят немного. Господа заезжают смотреть столовые, и то развлечение в их безотрадной жизни. Если б ты видела, Таня, как тут все некрасиво и скучно: и природа, и люди, и дом, и вся жизнь. Может быть, когда Дон растает, то вид изменится; большая река очень красива и приятна.

Вчера был чудный день: ясный, морозный; снег как сахар блестит, везде наст, и странно, но все поля, зелены покрыты ледяной корой, как толстое стекло, и все хозяева в недоумении и страхе за новый урожай. Вернулись мы вчера поздно... Левочка сам правил, два раза вывалился из саней и раз меня вывалил. Он бодр и почти здоров.

М. Л. ТОЛСТАЯ —
Л. Ф. АННЕНКОВОЙ
4 сентября. Ясная Поляна.

Мы сейчас в Ясной все. На днях папá и Таня поедут на несколько дней в Рязанскую губернию, где наше дело кормления еще и на нынешний год не может прекратиться. В некоторых местах Рязанской и Тульской губерний голод в нынешнем году будет еще хуже прошлого года, а так как деньги у нас остались, то и надо ими прокормить сколько возможно и нынешнюю зиму. Папá очень утомился от этого дела, так уже теперь он не будет там жить, а только кое-когда наезжать, а жить будет Бирюков...

Отец все еще не кончил своей большой статьи и работает усиленно над ней. Он здоров и бодр. Зимой мы все будем жить в Москве.